Евгений Заугаров

Избр-е

Художественная серия
“Поэты Саратова”

Издание выходит при поддержке
благотворительного фонда

“Милосердие”
и
неформализованного содружества

“Новые писатели России”

Идея серии, оригинал-макет: Михаил Богатов

Редактор выпуска: Антон Белохвостов

© Евгений Заугаров

Литературный клуб “ДЕБЮТ”, г. Саратов
2010

***

Я впервые в жизни увидел вечерний дождь —
красные его огни, толпы его народа.
Я как будто впервые куда-то спешил, чего-то ждал,
на что-то надеялся. Так, не понимая ничего,
я и шлялся под вечерним дождём,
вдыхал его запах, встречал его звук.
Неосвещённые магазины колыхали воображение.
Красным и тёмным казалось мне всё на свете.
Отсутствие мысли порождает чудовищ дождя —
мокрое дерево, силуэты прохожих, фары автомобилей,
ощущение безнадёжности жизни.

***

Девятиэтажный дом
ярко освещенный солнцем
средь безоблачного неба.

У его подножья люди
ходят, чувствуя усталость,
смотрят на автомобили.

Вот беседа двух старух
на скамейке возле дома.
Свет сюда не попадает.

Закрывающий ворота
сторож пять минут назад
тихо вышел из сторожки.

Если он пойдет домой,
то уж точно встретит в парке
неожиданную жизнь.

Повстречает то, что он
никогда еще не видел,
или видел только в профиль.

Таксопарк

Мои мысли обернулись правдой
А. Тутуола

**Этот таксопарк сейчас заброшен.
Там сейчас находится не знаю
что. И даже десять лет назад
он напоминал не знаю что.
Рафиков сейчас уже не встретишь,
кажется, что все они и сгнили
там, в этом проклятом таксопарке
и от них остались лишь усы.**

**По ночам в подсобных помещеньях
свет не выключался. Нужно было
всё это осматривать: не лезут
ли через забор. Но приходило
время спать. А где там было спать?
В рафиках грязища. На сиденьях
из кожзаменителя нельзя
было спать иначе как поджав
ноги к подбородку. И к тому же
невозможно было спать без шапки:
не хватало тепловой прослойки
между головою и сиденьем.
Пробовал полазить по машинам,
чтоб найти какую-нибудь рвань
типа одеяла, всё равно.
Но я ничего там не нашёл.**

**Помню первое своё дежурство.
Времени примерно три часа
ночи. Я ужасно хочу спать.
У ворот горит один фонарь,
освещает запертые двери,
часть забора, больше ничего.
Обратил вниманье на полоску
света вдоль одной двери в подсобку.
Подошёл, а дверь не заперта.**

**Помещенье из соединенных
анфиладой боксов освещалось
дроссельными лампами. Они
издавали ровное гуденье:
э-э-э-э-э-э-э-э-э…
Всё было замусоренным, грязным,
всё вокруг было покрыто пылью,
но, поскольку руки были не**

менее грязны, я стал искать.
Я обследовал буквально всё,
так как был уверен, что меня
не окликнет, не вспугнёт никто.
Никакого человека здесь
нет и вообще не может быть.
Я хотел найти себе такое
место, где я мог лежать и спать.

Вдруг, как будто неизвестно где
капает вода, неясный звук…
Мои зубы громко застучали.
Человеком это быть не может!
Человек обычно производит
только неестественные звуки,
и ответом на мои движенья
был бы шорох. Если б я следил
за самим собой, то я бы спрятался.

Звуки исходили из-за двери,
я сперва подумал – в туалет.
Дверь открылась, и увидел я…
И увидел я, что это душ!
И сказал себе, что это душ!
Разве можно было не сказать:
это душ! И лампочка своим
жёлтым светом песенку поёт,
и очки мои запотевают,
и на крыльях носа моего
конденсируются испаренья.

Испаренья говорили о
том, что есть горячая вода,
и она откуда-то течёт.

Я подумал: вот, сейчас согреюсь,
и забыл о неприятном запахе.
Как же ещё может пахнуть здесь,
в душевой, где моются водители?

Предо мною – несколько кабин.
Рукоятки кранов либо сломаны,
либо по каким-то нуждам сняты.
В первом отделенье рукоятки
вроде были на обоих кранах.
Даже если попадётся голый
шток, я откручу его зубами.

Обратившись к самому себе:
что это он делает? я взял
и разделся догола. Каким
образом всё это получилось,

я не понял, просто был момент,
когда я увидел, что стою
босиком на ледяном полу.
Между тем, я вовсе не боялся
застудить или запачкать ноги,
так как был уверен, что сейчас
и согрею и отмою их.

Производственные душевые
типа этой не оснащены
дорогой сантехникой. Смеситель –
это просто длинная труба,
загнутая сверху гусаком,
на конец которого навинчено
нечто говорящее, что это
всё-таки не что иное как
душ, и под него надо вставать.
Кран не закрывался до конца.
С гусака свисала нить воды.
Я подставил руку – кипяток!
Повернул вторую рукоятку,
а холодной-то воды и нет.

Что я только не пытался делать,
открывая, закрывая краны…
Не было такой дыры, куда
не совал я голову свою.
И меня не отпускала мысль,
что я это делаю во сне,
значит, я могу всё это делать!
Если был там самый что ни на
есть поганый угол, где на ощупь
можно обнаружить что угодно,
я его уже давно обшарил.
Там я находил такие вещи,
про которые можно сказать:
неизвестно что это такое.
Помню, я их даже не выбрасывал,
они сами падали из рук.

Голова перестаёт работать.
Как я выгляжу со стороны?
Человек, увидевший меня,
огорчился бы со мною вместе.

Ну а что мне было ещё делать?
Если быстро сунуть руки под
кипяток, и так же быстро вынуть,
руки нагреваются от этого,
а вода немного остывает

и становится вполне терпимой,
так что можно пользоваться ею.

Пол под душем был довольно чистым.
Искренно обрадовавшись этому,
первым делом я отмыл ступни
(там было достаточно темно,
я вполне мог наступить в говно).

Совершенно неизвестно сколько
времени я там стоял как пугало,
но когда я выходил оттуда,
были уже утренние сумерки.

***

**С наступлением холодов
в ванной комнате
собирается огромное
количество тараканов.
Их привлекает тепло,
исходящее от труб
горячего водоснабжения.
А сейчас, хотя и холодная,
но всё же весна.
Как-то, приняв душ,
я вылез из ванны,
насухо вытерся полотенцем,
оглядел себя в зеркало…
И тут до меня дошло:
куда подевались тараканы?
Одного всё-таки вижу.
Вон он сидит в углу.
Подойдя поближе,
я его рассмотрел.
Он был весь какой-то
заострившийся, посветлевший.
Это был труп.**

***

**Если я дождусь
завтрашнего дня,
нужно будет слово
“завтра” обвести
траурною рамкой,
потому что я
должен доказать
самому себе,
что она пройдёт,
эта ночь, и время,
если посмотреть
на него как на
крошечный источник
света в темноте,
превратится в точку.**

***

**При печати чёрно-белых фотографий
как живые в это время, так и мёртвые
получаются примерно одинаково.
На светах они, как правило, светлеют
и чернеют, соответственно, в тенях.**

**Завершающий работу переходит
в угол комнаты, где должен находиться
выключатель, и включает белый свет.
И сливает в калиброванную колбу
проявитель и выбрасывает пробники.**

**Их скопилось на столе довольно много.
На отдельных что-то можно разглядеть,
на других изображение засвечено.
Осознав, что нужно сделать, он их комкает
и со злобою сжимает в кулаке.**

**А потом в зелёной ванне лаборант
видит несколько готовых отпечатков
и внимательно разглядывает их.
Говорят, что если кто-то умирает,
изменяется его изображенье.**

Сними очки, закрой глаза

Посв. А.С.

**Частица пригоревшей пищи:
кусочек репчатого лука
или мясное волоконце
иль вермишелинка какая
(она обуглилась давно,
висит как чёрная сосулька),
обосновавшаяся на
решётке газовой плиты
(когда-то выскользнула в масле
и оказалась на решётке),
попав под ярко-голубой
язык пылающего газа
(с тех пор так и висит над ним,
точней – висит её скелет),
приобретает красный цвет,
точнее – розовый, пурпурный,
необъяснимо нежный цвет,
одновременно очень тёплый
и ледяной. Когда ты смотришь,
когда ты смотришь без очков
на этот крошечный источник
какой-то радости, покоя, -
он расширяется в глазах,
он превращается в кружок,
в нём образуются прожилки,
легко меняющие форму,
перегородки… Шума газа
уже не слышно. Середина
обычно выражена ярче
чем окантовка. По краям
проходят всяческие вихри
или замедленные взрывы
(протуберанцы). Как звезда.
Во время сна звезда не гаснет,
напротив, позади неё
встаёт какой-то синий дым,
холодный фон. На этом фоне…
На этом фоне хорошо
видны оранжевые буквы,
слова: “горячая вода”,
“греть руки”, “быстро закрывать”
“смотреть вперёд”, “ладонь под щёку”
и проч.. Сама звезда при этом
не изменяется в размерах.**

***

Ночью выпало огромное количество снега.
На утро всё это начало интенсивно таять.
Улицы стали практически непроходимыми.

Переходя дорогу, двигаешься как попало.
Справа, лениво расталкивая снеговую кашу,
медленно едет грязный автомобиль.

Это внедорожник BMW **или** Lexus RX-300.
Только что-то он не выглядит оптимистом.
Из какого болота он вылез, бедный?
Какой у него хмурый, жалкий и кислый фейс.

Обычно автомобиль смотрит на человека.
Решётка радиатора обнажена как зубы.
Всем своим видом он выражает угрозу.
А этот вроде бы и не автомобиль вовсе.

И всё-таки автомобиль приближается.
Внутренний голос предупреждает об опасности.
Дескать, мерс это смерть, берегись.

Но в голосе нет повелительной интонации,
он соответствует внешнему виду автомобиля.
Спрашивается, что делать в таких случаях?

Окружающий мир настолько однообразен!
Серый небо, грязный снег, монотонный шум.
Кажется, уже ничего никогда не произойдёт.

В самом деле, чего такого произойдёт,
если этот пассивный мерс тебя пизданёт.

***

Люди возвращаются с работы,
затихают фабрики, заводы.
Лишь тебе не спится по ночам,
не везёт опущенным плечам.

Люди возвращаются, пиная
камни, банки, — пред тобой иная
перспектива: до утра не спать
и грустить о чём-то и мечтать.

Ты глядишь на мир, и в мире что-то
происходит, словно это нужно.
Люди возвращаются с работы
и на сердце делается грустно.

Всё на свете кажется никчёмным.
Что ты скажешь, укрываясь тёмным
одеялом, что преподнесёшь
миру перед тем, как ты уснёшь?

***

По берегу неведомого моря
Мы шли с напарником.
Напарник был не кто иной как ветер.
Он громко воспевал морские дали,
ботинки наши в тине увязали,
и не было на свете никого.

Вдруг я увидел некую посудину
морскую: старый катер или
буксир – не разбираюсь, -
сидящий намертво в береговой
грязи. Его обрубок–нос был поднят.
И выкатилось что-то из него,
какая-то деталь, не знаю что,
похожая одновременно
на ржавый череп и на шестерню.

О, как я к ней приник, к этой детали!
И ветр меня за руку уводил.
Но я хотел остаться с ней
и распластался на песке,
и руку выдернул из пальцев ветра.

И, помню, стал я напевать тому,
что видел пред собою, песню.
Я воспевал вплоть до мельчайшей ямки
и бугорка строение детали,
которая тем временем смотрела
на запад, где закатывалось солнце,
окрашивая в желтый цвет
спокойное лицо моей детали,
её разбитое забрало,
её зубцеобразный ирокез.

Вдогонку

М. Лапшину

**Когда уйдёшь, сильнее хлопни дверью,
иначе она может не закрыться.
При спуске будь внимателен: ступеней
обычно девять, двигайся на ощупь.
И ни на что не обращай вниманье,
особенно на тёмные предметы.
Они способны двигаться посредством
прыжков, напоминая пауков.
Увидев человека, они могут
вскочить и не на шутку напугать,
а то и укусить. В ночное время
они активизируются, ждут,
распространяют неприятный запах.
Во тьме всегда живёт какой-нибудь
урод. ночной болван, дитя часов…
Ещё раз говорю: ступеней девять,
пролётов восемнадцать. Далеко
внизу, где-то на третьем этаже
горит одна-единственная лампа.
Вперёд, по направленью к этой лампе.**

***

**Утром, поднявшись с постели,
выглянул я из окна.
Листья уже пожелтели,
скоро наступит зима.

Тёплый надену я свитер,
шапку, пальто на меху.
Будет отчетливо виден
каждый мой шаг на снегу.**

* * *

**Прохладным утром
некая птица,
а может быть, большая бабочка
влетела в гущу кустов,
взмахивая крыльями,
будто всплёскивая руками.
Это чья-нибудь мать.
И в самом деле,
движенья точь в точь как у матери.
В глазах остался её образ.
На что он похож?
На греческую букву “ню”.**

Сонеты Эвридике

1

Изменить свою жизнь
я хочу больше, чем
продолжать жить с тобой.
Тем не менее, я
понимаю, что мне
от тебя не уйти.
Корвалол обостряет
ощущение гнили,
трупный запах во рту.
Это всё от того,
что однажды на днях
ты сказала мне: то,
что меня вынуждает
говорить, недостойно
упомянутым быть.

2

Я знаю, что сказать тебе. Скажу:
“Мне больно слышать от тебя всё это”.
Сказав эти слова, я успокоюсь.
А в прошлый раз я, видно, говорил
не то, что нужно было говорить.
Я говорил, что не могу не лгать,
что убедился в трусости своей,
что недостаточно тебя люблю.
Я выходил на лестничную клетку,
и всё-таки старался быть спокойным.
Старался успокоиться. Хотел
казаться самому себе спокойным.
И, видимо, поэтому со злобой
и с омерзением плюнул на ступени.

3

Из-за того, что ты тогда ушла,
я получил возможность осознать,
что всё без исключения, что на
себя я наговаривал — всё правда.

Одна необходимость выбирать
способна довести меня до знаешь
чего. А тут ещё и страх и стыд.
Ты слушаешь, о чём я говорю?

Хотя в обычной жизни много скрытых
определений, их не избежать,
поддержка в констатации, к чему
я и склоняюсь, то есть продолжаю,
стараясь не оглядываться, ибо
иначе всё пойдет в тартарары.

***

I

Музыка должна быть успокаивающей,
легкая она или тяжелая.
Музыка должна быть в ванной комнате,
чтобы был контраст температур
и цветов — оранжевое с синим,
желтое с сиреневым, зеленым.
Чтобы таз с водою там стоял,
чтобы газ шумел, а на часах,
движимых горячею водой,
чтобы было далеко за полночь —
где-то три часа или четыре...
А еще чтоб там было полно
маленьких резиновых игрушек,
обезьян каких-нибудь, грибков,
хрюш, степашек, всяких-разных мыльниц,
полных разбухающего мыла...
Чтобы с потолка свисало много
паучков, электропроводов,
подсоединенных к урне звука...
Чтоб у этих банных тараканов
выросла еще одна нога,
с помощью которой таракан
мог бы лупцевать себя с размаху,
да по голове, по голове...
Я бы так смеялся, так смеялся!

II

Плеск воды, мелодии любимой
музыки — последняя надежда,
с ними я испытываю кайф:
в этом банке нот и пузырьков,
в свалках электрического света,
в красных привидениях игрушек,
в зеркалах, настроенных на резкость...
Что за дверью? Что же там, за дверью?
Нет, пусть там не будет никого!
Чувствовать отверстие сливное
под спиной и больше ничего.
И лежать: все эти руки, ноги,
по огромной бабочке в глазах.

Борисоглебск

**Что я помню? Старый проржавевший
элеватор, съеденные солнцем
крыши, страшные, красные зданья
бывшей компартии. Как подъедешь
к одному из них, тотчас над крышей
взмоет стая вороноподобных
птиц, похожих на кускообразный
пепел, что вышвыривают печи,
не переварившие его...**

**Встретишься ли взглядом с человеком,
медленно идущим по дороге
(тянет сумка, полная бутылок),
иль с каким-то велосипедистом,
так и не сказавшим ничего.**

**Медленно достанешь сигарету
из кармана, выронив таблетку
анальгина. Да и сигарета
что-то плохо тянется, сыра.
Куришь ее полчаса, вдыхая
большей частью пыль Борисоглебска.**

**Скоро ночь. На западе — огни.
Говорю, что завтрашняя жизнь
существует только в настоящем
времени, подобно чувству боли.
Боль напоминает о себе,
так или иначе, постоянно.
Ночью, вытесняемая сном,
обещает возвратиться завтра,
что всегда с успехом выполняет,
жаль, что не без помощи людей,
на которых не может подняться
шариковая моя рука.**

Сумеречный Саратов

**На улице Зарубина построили мечеть.
Это старый татарский район.
Здесь живут одни мусульмане.**

**На улице нет никого.
Пустота среди бела дня.
Не слышно даже машин.
Как меня сюда занесло?**

**Ловишь себя на мысли,
что не можешь глаз оторвать
от этой мечети. Стоишь
в отдаленьи и смотришь, смотришь...**

**Орнамент, которым украшен купол
минарета, что-то напоминает.
Это похоже на гриб сморчок
или на плоть, с которой содрали кожу,
обнажив сухожилия,
кровеносные сосуды,
лимфатические узлы.
Наверняка всё это усеяно
тысячами микроскопических
боевиков движения Хэзб-аллах.**

**Двери храма открыты. За ними
словно бы хирургический кабинет:
ярчайший люминесцентный свет,
стены оклеены белой кафельной плиткой.
Иногда там появляются, исчезают
чёрные силуэты верующих...**

**Не помню, когда мне это приснилось:
я взбираюсь на минарет,
усаживаюсь на полумесяц
и вижу сумеречный Саратов.**

***

Как много бабочек ночных
слетелось в комнату мою
из растворённого окна
на белый свет люминесцентный!
В теченье этой долгой ночи
я наблюдал их хоровод.
Они кружились предо мной —
разнообразные расцветки,
размеры крыльев, их рисунок,
напоминающий ландшафт
того немыслимого мира,
откуда прибыли они.
Мне так хотелось их потрогать,
поцеловать, настолько нежным
казался мне их скромный облик —
все эти усики, сяжки,
пыльца на их усталых лапках
и робкий, незаметный взгляд.
Они кружились предо мной,
взлетали, падали за шкаф,
где больше тени, не боясь
попасть в тенёта паука.
Потом сидели на стене,
и я их осторожно трогал.
При этом бабочки взлетали.
Я понимал — они слепы.
И моё чёрное окно
казалось ярко освещённым.

***

“Смотри, ты видишь синий абажур,
вон там, чуть-чуть левей, под потолком?
Надень очки и обрати вниманье
на маленькие вспышки белизны
вокруг него”. “Привидится же спьяну!
Болезнь незакрывающихся глаз”.
“Ну полно, не пугайся, это только
ночные насекомые — жучки,
стрекозы, бабочки, другая мелюзга —
крылатые ночные организмы,
похожие на белые снежинки.
Вообрази, что каждая снежинка
несёт в себе бесплотное подобье
слепого летчика, который отпустил
штурвал, отдав себя на волю Бога,
и тот его вращает по спирали.
Давно пустуют топливные баки,
заглох мотор, а он ещё летит
в своём миниатюрном синем небе,
и синие глаза его открыты”.
“Признаться, я завидую тому
пилоту, не имеющему плоти,
поскольку он, в отличье от меня,
имеет за спиною только крылья.
Но как же его выпустил диспетчер?”

***

Троллейбус шестнадцатый подъезжает
к остановке “Первая совбольница”.
Толпа окружающая мешает
за билетом оброненным наклониться.

Того и гляди, кто-нибудь шарахнет
по голове бутылкой пустою.
На остановке по-прежнему сильно пахнет
карболовой кислотою.

В одиннадцать ночи уже ничто
не обращает внимания на себя.
Бумажку достоинством в сто
рублей пальцами теребя,

глядишь на коммерческие магазины,
которые уже закрыли,
на дремлющие у остановки машины,
покрытые толстым слоем пыли...

Ночь. Окрестный пейзаж небросок.
Когда закроешь глаза, обнаружишь точку,
где улыбающийся подросток
молотит в ржавую бочку.

***

**Оттепель. Можно гулять просто так.
Можно пойти по другому пути.
Вместо того, чтобы двигаться по
катетам — по Шелковичной до Красной,
стоит попробовать диагональ.
Гипотенуза короче, чем сумма
катетов, так получается ближе.**

**Справа — пустое больничное место.
Здесь наблюдателя сможет привлечь
группа неясных бродячих собак,
что занимаются поиском пищи.
Эти собаки вдвойне молчаливы
и никогда не посмотрят в глаза.
Как незаметно они исчезают
в мусорных кучах! Собаки подобны
статуям, сделанным из бытового
мусора: вместо ушей упаковки
из-под арбузного сока, хвосты —
длинные трубные щетки на выброс.
В каждом глазу щитовая реклама
с ясным упором на быструю жизнь.
Каждый поднявшийся волос собаки
символизирует оттепель, вечер.
Так появляются мысли о том, что
оттепель — памятник этой собаке;
в каждом предмете помойки воздвигнут
памятник грязной больничной собаке;
в каждом брезгливом плевке пешехода —
памятник-оттепель, памятник-вечер...**

**Ноги скользят на подтаявшем льду,
слышится крик из родильного дома,
пьяница встал у стены помочиться.
Если взглянуть ненароком в окно
корпуса первой советской больницы,
можно увидеть как ходят больные:
девочка в круглых очках успевает
бросить презрительный взгляд из палаты.
Что она там увидала в потёмках?
Больше она ничего не увидит.
Если же выйдет на улицу, то
или наткнётся на запах из морга,
или наступит на битые стёкла,
или собака залает вдогонку.**

***

**Тот ларёк, где на продажу были выставлены очень
дорогие коньяки, примерно раза в полтора
превышающие в стоимости те же коньяки,
продающиеся рядом, в продовольственном, закрылся.**

**Манекены, размещённые в витрине магазина
“Братислава”, расположенного около ларька,
недовольны прекращением торговли коньяками,
солидарны с оштрафованным владельцем магазина.**

**Манекен, изображающий мужчину, смотрит так,
словно хочет то ли плюнуть, то ли выругаться матом.
А у бабы под улыбкой (под подобием улыбки)
до поры надёжно спрятаны пластмассовые зубы.**

***

**В зелёную, горячую ванну,
сняв пушистую шапку, пальто,
бродяга как косточка канул,
и всплеск не увидел никто.
Бери ж ты зелёное мыло,
ездок на зелёном осле.
Межламповый сумрак унылый,
черти на туманном стекле
весёлые рожи и звёзды,
горящие в потёках людей,
в потоках различных эмоций,
во рту водяных привидений,
меж звоном и шипом стёкол
и чёрно-зелёным всплеском
под всенощной карминовой розой,
свет наливающей фрескам
и чёрную водку в дорогу
любому бродячему богу.**

***

Нужно делать что-нибудь одно,
не имея мысли о другом.
Это я хочу сейчас сказать,
потому что сталкиваюсь с этой
необходимостью каждый день.
Выбор мне необходим для жизни.
Не имея силы его сделать,
возвеличив значимость его,
чувствуя фальшивое желанье
сделать что-нибудь как можно лучше
(кто же я такой на самом деле?),
с горечью в душе осознаю —
мне остались только промежутки.
Есть ли в них какая-нибудь ценность? —
в этих робких взглядах на предметы,
на людей, на собственную жизнь;
в этих постоянных embarras
de richesse, **как говорят французы?**

***

Идёт поезд,
идёт поиск
кошачьего трупа.
наверно, глупо
стоять на мосту и
держать потуги
на рвоту. Народу
вокруг до чёрта.
Становится стыдно.
Мать говорила:
кому охота
смотреть на тебя,
на дурака? — с неплотно
застёгнутым воротником,
с неплотно
закрытым ртом,
плюнул в грязь.

***

**Связка ключей, забытая на столе,
может пролежать тысячелетие,
пока я не вспомню о ней.
Вечер, окружающий эту вещь,
будет достаточно светлым, чтобы,
не включая электрического освещения,
различить её блеск.
Внешний вид этой связки вряд ли
сильно изменится. Я обычно
не обращаю внимания на такие мелочи.**

***

**Электропоезд проехал немного дальше
чем нужно. И здесь, в непривычном месте,
в тени акаций мерно звучало
что-то незнакомое — тихо-тихо.
Пассажиры, рассказывая что-то друг другу,
показывали солнцу себя с разреза.
В солнечных зайчиках грелись руки,
ставшие пятернями на фоне солнца.
А там, за окном, направо, в тени
отброшенной поездом на остановке,
было почти темно: зелень, умбра.
Птицы крыло, как рука с пилой,
монотонно билось о ржавую бочку,
осторожные глазки каких-то красных
цветов иногда появлялись в чаще.
Все смотрели вперёд. Плакал ребёнок.**

.

***

**Фонари горят в глуши вселенной,
на краю галактики спиральной.
Как печален свет люминесцентный,
фонариный свет голубоватый.
Свет струится, медленный, прозрачный,
исчезает в чёрном пианино,
на стене висят квадраты света.
Тише — не доносится ни звука.
Так проходят световые годы,
километры времени глухого,
и к губам прикладывают палец —
тише, тише, не тревожьте время.
Отчего спокойны лица спящих?
Кто лежит с открытыми глазами?
Кто там над людскою колыбелью
в светлом платье медленно склонился
чтоб поправить складку одеяла
и поцеловать на сон грядущий?
Бог и свет и время нераздельны.
Фонари горят в глазах и в линзах
всех очков, всех фотоаппаратов
и других оптических приборов.
Фонари везде — в морях и в лужах,
в освещённых изнутри витринах
и в разнообразии товаров,
выставленных ночью на продажу —
нету покупателя ночного.
Кто же позаботится о свете?
Кто его найдёт в глуши вселенной?
Кто из нас не даст ему погаснуть
иль по крайней мере соизволит
свечку, свечку тонкую поставить,
чтобы воск закапал ему брюки?**

***

Тени старого города,
деревянного города-сумрака,
утонувшего в прошлом...
А когда-то здесь бегали отроками
деревянные веки свои
пережившие всуе
старики и старухи.
Деревянная склизь,
деревянные кости и жилы —
моя главная жизнь
и моя колыбель и могила.
Город памяти мёртвых,
город утро и вечер живущих,
город — день молодеющих,
город сумерки тёмного дерева.
Деревянный мой город
погребальные носит одежды,
и опущены вежды
в беспощадную чёрную землю.

***

Саван белый — сумрак чёрный,
сумрак чёрный, сон тупой
перецвёл травою сорной,
сыплет снежною крупой.

Одинокою тропой
ходят по небу светила,
ходит по миру слепой.
Это осень. Сохнут силы.

Он лицом был желтолист,
словно стрелочник в тумане,
издающий красный свист
ждущим встречи с поездами.

Ждущий встречи с поездами,
он идёт по тёмным шпалам,
по неузнанным вокзалам,
пробегая городами,

где детей улыбки стылы,
где встают слепые силы,
сыплет снежною крупой
одинокою тропой.

Вечером, сер как зола
и с равнодушием мула
я изучал из угла
форму стола или стула.

Я предавался зиме.
Лампочки свет излучали
и, привыкая ко тьме,
долго меня изучали.

Плыло пустое окно
в угол. А после урока
было сухое вино.
Воспоминанье порока

и ожиданье беды
вышли из чёрного хода.
Видимо, это следы
старого года.

***

Когда человек, проходящий
вблизи невысокой ограды
напротив кирпичного дома,
исчезнет в подъезде, тотчас
во тьме заведется машина,
стоящая возле подъезда,
и тронется, кошек пугая,
и фары ее загорятся.
И стоит пройти мимо окон
аптеки, закрывшейся на ночь,
как в окнах появится белый
огонь, словно мимо аптеки
идет не прохожий, но факел.

***

1.
Было время, когда
я лежал в темноте
под дощатым навесом,
заменившим собой
потолок в магазине.
Дело было зимой.
Я испытывал холод.
Помню черный свой свитер.

Можно было пойти
среди ночи на кухню.
Под горячей водой
греть замерзшие руки.

Или к двери входной
прислониться щекой
и сквозь щели вдохнуть
запах улицы, ночи,
запах скорой весны.

2.
Я считаю хорошим
то, к чему я привык,
и особенно то, что
продиктовано чувством
равнодушья, покоя.

Всё не так уж и плохо.
Я могу быть спокоен.
Можно что-нибудь сделать.
В этом я убедился
две минуты назад.

3.
Возвращаясь домой,
нужно думать о серой
неизвестной равнине,
посредине которой
полыхает огонь.

Ярко-красное пламя,
выделяясь на сером,
привлекает вниманье.
Можно вечно смотреть.
Никогда не забыть.

***

Луна своим видом показывает,
что не было тех миллионов лет,
в течение которых она
из бесформенной каменной глыбы
превращалась в шар.

Если подойти к луне на близкое расстояние,
можно оглохнуть от грохота,
происходящего вследствие её перемещения во
вселенной.

С поверхности же земли
мы глядим на луну,
как на её фотографию.

***

Мысли о будущем
сильно травмируют психику,
больше, чем прочие
мысли, хотя по-хорошему —
мысли не главное.
Главное тут, без сомнения,
фон, по которому
можно судить о наличии
или отсутствии
мыслей. Хотелось бы в качестве
фона использовать
занавес черного бархата,
как полагается...
Полная тьма за кулисами.
Всё, что находится
в комнате, без исключения —
замерло. Каждая
вещь приготовилась к действию.
Каждый бросающий
тени предмет — ложка, мыльница,
щётка для обуви —
помнит своё назначение.
Их обладатель же...
Вон он сидит, отражаемый
кухонным зеркалом,
или, верней, отражаются
лишь башмаки его.

***

Сквозь слой прошлогодней пыли
на окнах (когда их мыли?)
гляжу я на автомобили.
В кабинах на первый взгляд
никого, приглядишься — свят, свят, свят, —
какие-то люди сидят.
Теряешь всякое уважение
к представителям уличного движения,
когда чувствуешь их приближение,
хотя огни хорошо видны,
и лица не так уж страшны
(глядя с моей стороны).
Вполне приличная борода,
даже очки иногда.
Черт! А я-то всегда
думал, что чем мощней
машина, тем страшней
люди, сидящие в ней.
Часто столкнешься с хамом
и думаешь, лучше б на самом
деле бумажным хламом
до отказа был бы набит
салон, до того неприятен вид
того, кто в машине сидит:
невозмутимый фейс,
на заднем сидении — кейс.
Вместо сердца гранит и гнейс.
Вместо улыбки там
надпись: “пропан-бутан”
или “не ссы, братан”.
Невозможно перейти улицу
без того, чтобы не нахмуриться,
не суетясь, словно курица.
Автомобили пользуются этим
и скалят зубы подобно детям,
застукавшим за минетом
родителей. Белые блики
радиаторов — это их улыбки,
уличающие меня в ошибке.
Когда же мимо едут менты,
нужно идти спокойно, без суеты,
желательно не шататься, иначе ты
можешь нарваться на прецедент,
за которым последует ангажемент...
Нет нужды говорить, что такое мент.
Счастливец, шепчущий “пронесло”,
сможет увидеть его мурло
сквозь ветровое стекло.

***

Около первого советского морга
всегда пахнет какой-то дрянью —
сожжёнными изоляторами,
непонятными растворителями
и жареной картошкой.
Последнее характерно больше
для вечернего времени, когда
мужья возвращаются с работы, и их
встречают улыбающиеся домохозяйки.
“Руки, понимаешь, в муке, поэтому
не обнимаю. Дети? Дети на улице...”
И тут через открытое окно в комнату
входит очень низкая нота: это
лает чёрный дог ночи.

***

1.
Ужаснувшийся при взгляде на часы
(как же так? я до сих пор ложился спать
не позднее полдвенадцатого ночи,
а теперь уже четыре) человек
вдруг испытывает панику — желанье
встать с постели и бежать сопровождае-
тся желаньем никогда не просыпаться.
Он встаёт и приближается к окну,
кое-как отодвигает занавеску.
Из окна, приотворенного на палец,
неожиданно выглядывает серп
книзу режущей поверхностью, концы
занавесок, что торчат из-под стола,
начинают быть похожими на ноги.
Это ноги его родственников. Он
знает, что они приехали сегодня,
понимает, почему они стоят
в темноте, как будто вечно там стояли.
Возникает ощущение, что это
фотография, притом довольно сильно
передержанная — это как бы ночь.
Лица писаны светящеюся ручкой.
Разветвления концов на занавесках
Соответствуют по форме пальцам ног,
каждый палец словно синий огонек.

2.
В детских комнатах нахрапывают дети:
руки вытянуты, ноги враскорячку.
По отсутствию глубокого дыханья
(простыня едва шевелится, тела
неподвижны относительно кроватей)
можно сделать заключение, что дети
крепко спят, во всяком случае глаза
их закрыты, а точнее — промежутки
между веками отсутствуют. Глазник
(существует и такой ночной глазник,
появляющийся ровно в три часа
пополуночи с набором специальных
инструментов) не сказал бы ничего.
При поверхностном осмотре глаз детей,
если оные открыты и моргают,
нужно действовать как можно осторожней.
По ночам свобода действий возрастает:
их глаза защищены посредством век,
веки служат также для распознаванья —
спят они или не спят. Во время сна

кожа век слегка растянута. Морщины
в этом возрасте особо не заметны.
Что под веками — нетрудно догадаться:
там краплаковые ниточки, прожилки,
изумрудные реторты и пробирки.
В них огромное количество тончайших
и чувствительнейших клеток, по которым
ходят нервные сигналы и команды
цветового восприятья сновидений.
Тело глаза внешне выглядит как шарик,
закрывается от слов "спокойной ночи".
Если глаз не закрывается, то нужно
ткнуть в него дезинфицированным пальцем.

3.
На пустом пакете из-под молока,
где живет десятиногая эмпуза —
злейший враг американских тараканов,
чётко выведено: емкость один литр.
Шевеля своими жвалами, эмпуза
вылезает из пакета. Тараканы
разбегаются. Звучит сигнал тревоги.
Кто-то прыгает на тумбу с потолка.
В это время на лице, между неплотно
совмещенными губами (человек
расположен в этот раз лицом к окну)
появляется блестящее пятно.
По всей видимости, это лунный свет,
отраженный от поверхности зубов
(в данном случае — резца). Ничто другое
так не выглядит в полпятого утра.

***

В глаза тому, кто одинок,
с ночного неба смотрит Бог.
Узнав собрата по несчастью,
быть одиноким и тужить
о том, что долго ещё жить —
и уходить, и возвращаться.

Но продолжается печаль,
и остаётся, выпив чай,
заняться как-нибудь делами;
решить, что всё это — зазря,
и, ничего не говоря,
глядеть на радостное пламя.

О чём бы ты ни говорил,
какие б мысли ни варил
в мозгу, — всё будет, как и прежде.
И ты останешься один,
один на свете… Погрустим,
мой друг, чтоб не мешать надежде.

Чтоб, позабыв свою беду,
начертанную на роду,
от одиночества проснуться.
И если, приоткрыв глаза,
ты улыбнёшься, небеса
тебе ответно улыбнутся.

***

Ночь. Полыханье газа
на кухне. Около часа
или начало второго.
Ни звука. Радиолампы
безмолвствуют. Головного
мозга кристалл сжимают
тьмы мохнатые лапы.
Шершавые сигареты.
Ни звука. Собаки лают.
Ночь. Думаю, где-то
без двадцати пяти
три. Я хочу пойти
на железнодорожный мост
осмотреть пути.
Там, между белых рельс,
красных сигнальных ламп —
васильки, васильки, васильки!
Поезда поздний рейс,
склады “Саратовснаб” —
глаза мои велики,
будто читаю некий
перечень грузов: изгарь
всякая, фосфор, нефть,
металлопрокат, печные
выломки, якоря, переводы
стрелочные. Ночь — порожний
вагон, загнанный маневровым
тепловозом в тупик. Ночь —
лисьи хвосты за Базарным
Карабулаком. Ночь —
жёлтое в тёмно-синем,
оранжевое в гробовом.
Ночь — первый автобус.
Деньги при входе. До
подстанции. Остановите.

***

Начинается день.
Всё вокруг, как недобрая весть.
И спросонок — сирень
на обратной поверхности глаз.

Блики солнца пускаются в пляс,
всё мертвеет вокруг.
И я чувствую: где-то во лбу
свой аммониев рог.

И в отбросившем тень
от меня свете старых стихов
я стучу разводным,
ремонтируя водопровод.

И осталось каких-то там семь
или восемь часов...
Я уже захирел,
мысли собраны в жирный пучок.

***

Встречный велосипедист
заставил меня наступить на
канализационный люк.
Зная, что это недобрый знак,
я говорил себе: “Будь что будет”.
Дальше не помню, но всё же пытаюсь вспомнить.

Не смотреть на людей невозможно, тем более — на себя.
Мозги переваривают остатки велосипедиста:
нет ничего плохого в том, что я спал весь день.

Забывая о многом, открываешь перед собою
некую перспективу — грех не мечтать об этом.
Бытовые проблемы уходят на задний план.
Иногда просто хочется покурить, почитать.

Ты, кто при встрече со мной аккуратно отводит взгляд,
я знаю, что ты вчера нюхал собственное дерьмо,
и при этом лицо твоё было словно урюк, словно грязь.

***

И опять мимо мрачных вокзальных строений,
одинаково мрачных и ночью и днём,
где дымы расползаются в северном ветре.
где в течение часа проходит примерно
восемь-девять машин, да и то с тормозным
ярко-красным сигналом, где ты задыха-
задыхаешься, чувствуя дрожь в локтевых
и коленных суставах, что симптоматично
для таких ситуаций... Как руки дрожат!
Третий час. Слава Богу, осталось полпачки...
Как тепло и уютно, наверное, в зданьях,
из которых исходят дымы. В этот час
только дым поднимается в чёрное небо,
да ботинки скользят по пустому шоссе.
Лишь ботинки скользят, лишь дымы уползают
в одинаково чёрное небо, в пустоты
мирового пространства, где звёзды, кометы,
словно окна в огромных ночных поездах:
под колёсами трупы различных животных,
на которые смотрят с мостов фонари,
отраже... преломлённые в лужах мазута.
А в строеньях вокзальных электротепло
поднимает чучмеков с колен. Раздаётся
резкий голос диспетчера: поезд такой-то
прибывает... с хвоста... Находясь на вокзале,
ты пытаешься вспомнить, о чём ты подумал,
помнишь только, что мысль показалась безумной
и похожей на то, что творится вокруг:
например — вот на этот пожарный рукав,
что висит возле двери в мужской туалет,
нет, скорее — на сам разговор в туалете,
где сверчки поднимаются с мокрого пола,
угрожающе выпятив нижнюю челюсть.
В крайнем случае можно сослаться хотя бы
на пустое шоссе, уходящее вдаль,
на шоссе с одиноким ночным пешеходом,
рассуждающим о направлении ветра

***

**В сером-сером городе зажглись
фонари. Ещё не наступил
вечер, а они уже зажглись —
жёлтые, как все на свете солнца.
или фиолетовые, как
море, освещаемое в полночь
вспыхнувшей под облаком зарницей.
В некоторых дальних фонарях
чувствуется близость к городским
звёздам, что появятся позднее,
где-то в полдвенадцатого, если
там, куда смотрю, не будет туч,
смога, дыма, прочих испарений,
что мешают мне смотреть на звёзды,
звёздам же — следить, переливаясь.
за моей пришибленной походкой.
Фонари, как родственники звёзд,
склонны вызывать всё те же чувства,
что и звёзды. Если посмотреть
на фонарь вблизи, можно заметить
лампочку с дрожащею спиралью,
либо — галогеновый источник,
бьющийся под кварцевым стеклом:
иногда он жёлт, а иногда
бел до синевы, но чаще — жёлт.**

**В сером-сером городе зажглись
фонари. Их бледное сиянье
разлилось по улицам, проникло
в подворотни, осветило пьяных,
полилось всё дальше, дальше, дальше...
заглянуло в тёмные подъезды,
выманив оттуда котофеев...
Кто-то прошептал: “...тепло сегодня,
да и ветер стих, как бы не сглазить,
ночью ожидается гроза”.
Кто-то повторил, наверно теле-
визор или радиоприёмник:
“ночью ожида...” и, недокончив
фразу, заморгал зелёным глазом.**

***

Я буду делать только то, что
приносит радость и покой.
Сидеть на стуле до тех пор,
пока совсем не потемнеет.
Дождаться темноты и встать
и к раковине подойти
и кран с горячею водой
открыть (при этом должен за-
гореться красный огонёк),
отрегулировать напор
до нужной мне температуры,
и сунуть руки под струю.
Около раковины есть
бутылка средства для мытья
посуды, им же моют руки.
Мне очень нравится его,
не то чтобы благоуханье,
а так… Здесь важен просто запах
любого моющего средства.
Он говорит о чистоте,
а в темноте не видно грязи.
Я так хочу, чтобы вокруг
всё было чисто и темно,
я так хочу уснуть спокойно!
Мне очень важно ощутить
немного внутреннего света.
Я не могу ужиться с чувством,
что, кроме грязи и говна
в моей душе нет ничего.
Ещё здесь важен тот момент,
что я могу всё это сделать
и мне ничто не помешает.

***

**Почувствовав тающий Март,
хозяйка открыла окно:
внизу, на пригорке дома
чернели, в них пили вино
весенние люди как прежде.
Страницы прочитанных книг
взлетали как птицы, и вежды
лукавились. Слышался крик
скворца. Оголённые пляжи
похожи на спящих людей
средь белых медведей, и даже
уснул пароход на воде.
Расправили плечи дома,
остыли забытые печи.
Все слушают, как зима
кричит на белом наречии.
И видели камни — дома
окрасились в цвет горизонта.
В огромном окне ты и мама
и дворик, заснятый на плёнку
фотографом с длинною гривой,
и мама накрасила брови.
Ты кушала синие сливы —
весь мир в фиолетовой крови
зимы, перерезавшей вены.
Гудки поездов — это стоны
земли и зимы. Запах глины.
Замерзшие, стонут понтоны
на речке. Их плачи-капели
наверно послышались вам,
но вы в это утро посмели
спуститься на землю, к домам,
смеяться, считая по пальцам
их окна и двери и камни,
соседок, сидящих за пяльцами,
аквариумных рыбок и дафний,
и пьяные возгласы “Вира”
весенних строителей мира.**

“Избр-е”:

“Я впервые в жизни увидел вечерний дождь…” 3
“Девятиэтажный дом…” 3
Таксопарк 4
“С наступлением холодов…” 8
“Если я дождусь…” 8
“При печати чёрно-белых фотографий…” 9
Сними очки, закрой глаза 10
“Ночью выпало огромное количество снега…” 11
“Люди возвращаются с работы…” 12
“По берегу неведомого моря…” 13
Вдогонку 14
“Утром, поднявшись с постели” 14
“Прохладным утром…” 14
Сонеты Эвридике 15
I. **“Музыка должна быть успокаивающей”** 16
II. **“Плеск воды, мелодии любимой…”** 16
Борисоглебск 17
Сумеречный Саратов 18
“Как много бабочек ночных…” 19
“Смотри, ты видишь синий абажур…” 20
“Троллейбус шестнадцатый подъезжает…” 21
“Оттепель. Можно гулять просто так…” 22
“Тот ларёк, где на продажу были выставлены очень…” 23
“В зелёную, горячую ванну…” 23
“Нужно делать что-нибудь одно…” 24
“Идёт поезд…” 24
“Связка ключей, забытая на столе…” 25
“Электропоезд проехал немного дальше…” 25
“Фонари горят в глуши вселенной…” 26
“Тени старого города…” 27
“Саван белый — сумрак чёрный…” 27
Новый год 28
“Когда человек, проходящий…” 28
1. **“Было время, когда…”** 29
2. **“Я считаю хорошим…”** 29
3. **“Возвращаясь домой”** 29
“Луна своим видом показывает…” 30
“Мысли о будущем…” 30
“Сквозь слой прошлогодней пыли…” 31
“Около первого советского морга…” 32
1. **“Ужаснувшийся при взгляде на часы…”** 33
2. **“В детских комнатах нахрапывают дети…”** 33
3. **“На пустом пакете из-под молока…”** 34
“В глаза тому, кто одинок…” 35
“Ночь. Полыханье газа…” 36
“Начинается день…” 37
“Встречный велосипедист…” 37
“И опять мимо мрачных вокзальных строений…” 38
“В сером-сером городе зажглись” 39
“Я буду делать только то, что…” 40
“Почувствовав тающий Март…” 41

В серии “Поэты Саратова” в 2009-2010 **гг.**
также вышли в свет следующие книги:

Михаил Богатов “Лолита в Греции”

Александр Гоголев “Произведения: Эпос. Лирика. Драма”

Дмитрий Голин “Тресковый ход”

Александр Мисуров “Силы”

Сборник стихов “Посвящённые: Мышь-ление”